[illegible]

Что сказу[illegible] [illegible] тайному? [illegible] верасфестер[illegible] [illegible] вольно или неволь[illegible] [illegible] Более того, ничего прямо усвоенного или увиденного, но [illegible] слов, рассыпанных в нерном [illegible] произносимого. Большинство стихотворений этой книги напоминает запись всей гамму бредущего в нескольких пространствах сразу. Если в пути настигает ночь, зажигается фонарь сновидений, причудливо меняющий любую действительность:

И каждую ночью слепым водолазом,
Сквозь волны косонной болезни,
спускаясь,
В скафандре коры полушарий, свой разум
Теряет сознание, и отделяясь
От плоти, становится гибкой, сновидцем,
Вбирает в себя всю разнятую память
О жизнях моих предыдущих, струится
Кипящею кровью и бьется толчками
Под мягким скафандром коры
полушарий...

Труднее всего однозначно ответить на вопрос: в чем, собственно, красота поэзии? То, что в ней присутствуют все три традиционных "красоты" – музыкальная, живописная и пластическая, – очевидно, но очевидно и то, что ни одна из них не идет ни в какое сравнение с тем, что действительно делает поэзию поэзией и подтверждает ее непосредственную близость хлебным божественного порядка. Я говорю о слове – основном предмете и орудии поэтического искусства. Слово выводит поэзию к самой сокровенной из всех возможных тем – теме пишущего. Поэту некуда спрятаться: слово прозрачно, как стекло, и опасно, как все природные стихии разом. У поэта изначально отнято право выбора. Вопроса "быть" или не "быть" для него просто не существует. Писать – значит "быть", сбываться в своей корневой, скрытой от всех сути. В мире стихотворения, как и в мире сновидения, нет и не может быть ничего случайного. Артистическая искренность стиха есть высочайшая форма человеческой искренности вообще и чудо душевной доверительности.

Когда совсем молодая Цветаева произнесла: "Я обращаюсь с требованием веры и просьбой о любви", она высказала только общее, старое, как мир, желание всякого поэта, выходящего на суд толпы: поверьте тому, что я это знаю. Я это вижу. Не сомневайтесь в моей правоте. Самое банальное возражение толпы звучит так: "сколько людей, столько и мнений". Да, но тогда поверьте хотя бы тому, что поэт знает больше и видит отчетливей. Догадывались ли вы, прожившие те же самые шес[illegible] [illegible] годы, как это [illegible]

[illegible]

[illegible] и строго:
[illegible] на нас [illegible]
[illegible] другому..."
[illegible] что зыбко.
[illegible] нам [illegible] нашего...

Даже если ваша память располагает гораздо большим числом подробностей и фактов, относящихся к шестидесятым – семидесятым, она бессильна там, где сильна поэзия, – а именно воспроизведением не факта, не подробности, не вещи, но образа того, другого и третьего. Процесс рождения образа из житейских подробностей, бывших на слуху и на виду у многих, и есть живое, энергичное, божественное дело поэзии.

Когда, например, блуждая по холодным коридорам жизни, поэт вдруг оказывается перед потаенной лестницей, ведущей на самое дно памяти, лестница меняет свой наклон, крутизна ее больно метит его позвоночник каждой своей ступенью и в конце концов выносит в ту реку, где вода смешана со слезами. Вкус этих слез есть вкус собственного детства.

Ничего не забыв, сам себя пережив,
в Петербург я вернусь, совершенно седой,
загорелый, похожий на свой негатив.

Поэтический мир сродни миру сновиденному. В нем возможны любые превращения, поэтому нет ничего странного, когда старый седой человек буквально превращается в ребенка самим процессом стиха – так, что кажется, в нем меняется все, вплоть до состава крови.

Свободная от вольных и невольных заимствований поэзия Григория Марка традиционна в том смысле, в котором традиционна всякая крупная поэзия. Она традиционна своей неповторимостью, неожиданностью голоса, темы, образа и – главное – умением пристально всматриваться в жизнь и еще пристальнее в смерть, не отводя глаз, не скашивая их в сторону. На языке аскетической традиции это умение называется "памятью смертной" и означает, что человек догадывается о том, что в момент его физического конца не происходит завершения личностного существования, и "тайна сия великая есть". Григорий Марк пишет уходящим из мира:

[illegible]
[illegible]
[illegible]